

Сколько помнила себя Тамара, она всегда была одна. Одна по утрам варила на крошечной кухоньке типовой однокомнатной хрущёвки чёрный кофе. Одна подходила к зеркалу и, взяв такую же одинокую зубную щётку, приводила себя в порядок. Одна выходила из дома и спешила по узкой асфальтированной дорожке на работу. Все вечера Тамара тоже проводила в одиночестве, сидя возле журнального столика с газетой в руках либо перед телевизором, в который смотрела равнодушными, невидящими глазами.

Лишь однажды она скоротала вечер не в светлой своей квартирке, а в гостях у соседки, которая собрала шумную компанию интеллигентных молодых сослуживцев. Среди них был тот единственный, что покорила Тамару с первого взгляда,— высокий красивый, но несвободный инженер. После этого странного вечера Тамара почувствовала всем своим существом, которым небеса наделяют лишь женщин, что перестала

быть одна. Тамара ощутила, что внутри неё множится и растёт что-то трогательное и живое, подобное ей и потому такое удивительно-странное. Мир запылал чувствами и красками, как багряной осенью пылают гроздья пурпурной рябины. Тамара больше не была одна. Она создавала внутри себя новую жизнь. Их было двое.

Маленький Олежка рос тихим послушным мальчиком. Сердце Тамары наполнялось нежной любовью, когда её сын смотрел на неё своими умными тёмными глазами в обрамлении густых бархатных ресниц и ладошками касался материнской щеки или тоненькими пальчиками перебирал её волосы. Одно омрачало молодую мать — Олежка был очень болезненным ребёнком: едва проходила ангина, тут же наступала ветрянка; только Тамара заканчивала мазать зелёной красные пятна, как у сына воспалились уши и лимфоузлы. И так по кругу. На работе Тамаре делали внушения из-за частых больничных, но что она могла с этим поделать? Она мать и не может вести больного малыша в детский сад, в котором воспитатели делают ей такие же замечания из-за сына, что ходит в группу с насморком.

В тот памятный для Тамары день у неё с самого утра всё валилось из рук. Хныкал и капризничал Олежка, не желая собираться в детский сад. Тёр ладошками воспалённые заспанные глаза и упорно натягивал на себя маленькое пуховое одеяло. Куда-то подевался отчёт, который Тамара вчера вечером сунула себе в кожаную сумку и теперь никак не могла отыскать среди всех остальных своих нужных и ненужных бумаг. Как назло, убежал ароматный кофе, который Тамара варила для себя в блестящей турочке. Времени на сборы совсем не оставалось. Женщина наспех одела сына, оделась сама. И, нервно поглядывая на свои дешёвые часики на левой руке, с ребёнком в охапку выбежала на улицу. Оставив сына в детском саду, Тамара поспешила на работу. Начальник, как всегда, был не в духе, сквозь прозрачные стёкла строгих очков он недовольно взглянул на взволнованную женщину. Стрелки больших настенных часов заводской конторы показывали без четверти девять, и Тамаре, как обычно, пришлось слёзно оправдываться и объяснять причину, почему она снова задержалась.

Городской телефон зазвонил ровно в два, сразу после обеда. Коллега Тамары равнодушно взяла трубку, недолго подержала её у своего уха и вновь вернула на место. «Томка, звонили из детского сада — у твоего высокая температура!» —

мелодичным голосом пропела женщина. И занялась разглядыванием кофейной гущи на белом блюдечке. Тамара стояла, потрясённая услышанным, не зная, что теперь ей делать: бежать ли к начальнику или сразу, без предупреждения, в детский сад. В голове стучали сотни молоточков, дрожало внутри испуганное сердце, и казалось, не будет конца этому кошмару.

Начальник злился, пыхтел, важно раздувал свои худые щёки, деловито поправлял очки на тонкой переносице. Ему нравилось унижать подчинённых. Он чувствовал себя в такие минуты очень большим человеком. Особенно ему доставляли удовольствия бормотания худенькой бледной Тамары. Она всегда стояла перед ним как провинившаяся школьница, что-то мямлила, не находя нужных слов, мяла в руках белоснежный платочек. Так было всегда, но только не в этот раз. Она, какая-то вся растрёпанная, подбежала к нему, гордо дёрнув головой, крикнула, что ей срочно нужно уйти, и, не дожидаясь ответа, побежала по длинному коридору. Она оглянулась лишь однажды, и во взгляде её было что-то звериное. Что-то, что предупреждало: «Только попробуй остановить!»

Когда Тамара, еле дыша, поднялась по крутым ступеням на третий детсадовский этаж, Олежка уже сидел одетый на красной скамеечке. «Как хорошо, мама, что ты пришла, мне вызвали скорую! — шептал мальчик ей прямо в ухо. — Ты не разрешай меня увозить!» Тамара и не разрешила. Она губами коснулась пылающего лба сына и молча, не сказав никому ни слова, понесла Олежку на руках домой.

Ребёнок весь горел. Сухая кожа становилась бледной, и как ни старалась Тамара сбить температуру, она всё равно была высокой. К вечеру началась лихорадка. «Это скарлатина! — устало подытожил все симптомы участковый доктор. — Нужно в больницу! Срочно!» — «Нет, — кричала Тамара, — я не отдам, я сама, я выхожу, вымолю!» И не отдала. Сама размешивала порошки, давала антибиотики, прикладывала компрессы. Мальчик был очень слаб. Тамара готовила для него травяные отвары и по капле выпаивала своего сына. Иногда женщина не помнила, ночь на улице или день, ела она или нет, спала или не спала. Лишь иногда, всего на минуту, Тамара закрывала свои беспокойные глаза, лёжа возле Олежки на узкой кровати, и ей казалось, что она летит куда-то в пропасть, в темноту, и эта темнота может отнять у неё самого родного человека на свете. Тамара вздрагивала, открывала глаза и давала себе слово больше не ложиться.

К концу второй недели, в которой не было ничего, кроме борьбы за маленькую слабую жизнь, вечером мальчик открыл глаза. Тамара беспокойно взгляделась в них — глаза были ясными. «Мама,— позвал мальчик,— я хочу есть!» И Тамара бежала на кухню, не помня себя от радости, варила горячий куриный бульон в маленькой кастрюльке и несла сыну. Она была счастлива. Она удержала жизнь подле себя. Их было двое.

Следующим утром Тамара лежала в постели, крепко обняв Олежку, и почему-то не могла открыть глаза. Она силилась, но ничего не получалось. Всё тело ломало, хотелось плакать и немножко спать. Тамаре казалось, что она плывёт на узеньком плоту, который несёт бурная река, плотик колыхнется из стороны в сторону, и от этого её начинает тошнить. Тамара опомнилась только тогда, когда почувствовала слабые толчки в безвольную руку. Над ней сидел маленький сын. Он плакал оттого, что мама никак не просыпается. Тамара сделала над собой усилие и попыталась подняться. Но из этого ничего не вышло. Комната качнулась и стала куда-то уползать. Женщина лишь почувствовала, как её тяжёлая голова упала на худенькие руки сына, и он, её бедный Олежка, снова зашёлся в испуганном плаче. «Господи! — думала Тамара.— Что же сейчас с нами будет, что станет с сыном, если мы одни в целом мире?» Тамара пыталась своей рукой нащупать тонкую руку сына. И когда у неё это не выходило — слёзы отчаянья и боли текли по исхудавшим щекам. Всё на свете Тамара передумала в эти часы: как она умрёт, а за ней следом умрёт и её голодный сын; или как она умрёт, а сына заберут в детский дом, или... Тамара не понимала, что она не просто размышляет, она все мысли произносит вслух; она не видела, она не могла видеть, как её мальчик стоит в дверном проёме и захлёбывается беззвучными слезами в страхе потерять мать.

Сначала Олежка просто сидел возле матери, держал её за руку и плакал. Потом страх потери пересилил его. Он стал приносить маме воду. Она не открывала глаза, и Олежка из ладошки поил свою мать. Потом он захотел есть. А ещё позже подумал, что, наверное, есть хочет и мама. Олежка боялся разжечь плиту, но всё же разжёл; он не умел чистить картошку, но всё же кое-как начистил. Маленький большой сын на крошечной кухне, стоя босиком на низком табурете, готовил еду себе и маме. Олежка не умел читать, зато хорошо запоминал картинки на квадратных пакетиках, которые мама давала ему, когда

он болел. Мальчик брал из множества других именно эти, разводил водой и нёс маме. Олежка не умел просить ничего перед иконами, но всё же тёмными вечерами он просил. Просил за маму и просил за себя. И боялся умереть, но ещё больше он боялся потерять свою маму. И в этот час иконы слушали его, и небеса слышали детскую молитву, и колокола в храмах звонили лишь для этих двоих, и голоса в хоре пели лишь для них двоих.

В воскресенье Тамара открыла свои мутные глаза. Она не помнила, сколько вот так пролежала, она не знала, как судороги сводили ей руки и ноги. Она легко вынырнула из темноты, оставив свой плотик во владениях быстрой реки. И первое, что испытала женщина,— это страх увидеть мёртвым сына. С замиранием сердца она тихонечко позвала: «Сынок...»

Олежка, пододвинув свой маленький табурет ближе к раковине, пытался мыть посуду. Чашка никак не отмывалась, и мальчик больше развозил по ней грязь. Это его очень занимало. Он мыл. Шумела вода. И вдруг сквозь шум Олежка услышал: «Сынок...» Так могла звать только мама. Мальчик растерялся, засуетился, табурет выскочил из-под его ног, и он упал. Но всё это было уже не важно. Олежка бежал к маме. К своей маме, жизнь которой он удержал подле себя. Их было двое.